Шаттл класса "Лямбда" с королевскими эмблемами медленно опустился на крышу, привлекая внимание Мары, которая наблюдала за происходящим из заднего окна своей квартиры в северной башне. Ее взгляд был отсутствующим, как будто ее мысли витали где-то далеко.

Затем над головой пролетел корабль сопровождения, прервав ее размышления, и она поняла, что представляет собой шаттл. Она наклонилась вперед, ее пульс участился...

Вейдер вышел из шаттла и быстро направился ко входу в южную башню, не обращая внимания на провожавшие его взгляды. Когда он приблизился, у Мары перехватило дыхание. Вейдер! Палпатин вызвал его во дворец, и у нее в голове роились вопросы о последствиях. Вейдер планировал остаться в Тингарне на ночь, что предполагало, что вызов Палпатина должен был быть срочным. Только приказы императора могли изменить его планы.

Привлечет ли Палпатин Вейдера к ответственности за его действия? Потребует ли он объяснений по поводу обвинений?Она прекрасно знала о превосходящем контроле Палпатина над Вейдером, превосходящем даже ожидания Люка. Будет ли этого достаточно, чтобы удержать его? Она вспомнила выражение глаз Палпатина, когда она открыла ему правду, и в смятении покачала головой. Нет, на этот раз все будет по-другому.

Ее взгляд упал на комлинк, лежащий на столе рядом с ней, и она подняла его, поскольку до этого много раз пыталась связаться с Люком, но откладывала устройство в сторону, так и не использовав его. Она отвернулась, подавляя желание ходить взад-вперед. Она знала, что сделала решительный шаг, и отчаянно надеялась, что поступила мудро. Раскрыв свою информацию Палпатину, она потенциально поставила под угрозу положение Люка. Судебное заседание было отложено, его участники распущены — по словам Палпатина, на несколько дней, — и слухи уже начали циркулировать. Это не было похоже на поступок человека, который ищет решения.Мара в смятении покачала головой и прикрыла рот рукой. Как глупо с ее стороны было сомневаться! Конечно, он бы поступил так, как ему хочется. О чем она только думала? Как она могла так легко поддаться на уговоры? Потому что она хотела помочь ему, предотвратить катастрофу. Но как же все дошло до этого? Как такое незначительное происшествие могло так быстро перерасти в скандал?

Теперь уже не было возможности скрыть ее причастность. Если Палпатин накажет Вейдера… Хотя Мару мало заботил человек, который ради достижения своих политических амбиций направил собственного сына по пути разрушения, она сомневалась, что Люк разделил бы ее чувства, учитывая, чем он сам рисковал, просто разговаривая с Вейдером. Она удивилась его дерзости, раз он решил перечить Палпатину… “Не перечь мне…” Где она слышала эти слова раньше?Ее мысли вернулись к той роковой ночи на «Патриоте», наполненной ужасом, когда она осознала правду, когда они прижались друг к другу в темноте ночи. «Не предавай меня», - прошептал Люк с такой страстью. Она открыла рот, чтобы возразить, но Люк заставил ее замолчать, потому что не желал пустых слов. Он уже знал. Он знал, что лежит рядом со своим будущим предателем.

Она чувствовала физическую слабость и дрожала. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Она знала, что на этот раз Люк не уступит. Но как она могла винить императора за то, что он действовал на основании предоставленной ею информации? А какой у него был выбор? Он должен был действовать — она это знала. Она всегда знала это, но хранила молчание о дуэли Люка с его отцом, потому что знала, что если Палпатин узнает, это разрушит все. Но Палпатин поклялся ничего не предпринимать, пообещав, что это останется их тайной; его знания было достаточно. Он поклялся, что сдержит свое обещание.Тем не менее, после завершения судебного разбирательства тронный зал оставался пустым, оставляя Мару с ощутимым ощущением сжатия в животе, от которого у нее перехватило дыхание, когда она обхватила

себя руками. Легкость, с которой она когда-то доверяла Палпатину, теперь была поставлена под сомнение, возможно, потому, что она никогда в полной мере не оценивала масштаб того, что ей приходилось защищать.

Палпатин стоял в молчаливом раздумье в маленьком вестибюле, его глаза сузились, губы сжались в тонкую линию. Он кипел от ненависти к себе за то, что был таким доверчивым, доверился мальчику, которого так легко было обмануть. Он позволил юноше поверить, что тот может продолжать действовать бесконтрольно, потворствуя своим проступкам. Палпатин знал, на что способен молодой человек, и поклялся внимательно следить за ним, быстро и безжалостно расправляясь с любым неповиновением. Но он не справился с этим долгом, позволив юноше упорствовать в своих прегрешениях.

Волк в сумерках был диким существом, которое, казалось, шептало в темноте, сливаясь с ночью. Дикий и непредсказуемый, он возникал из множества теней, а затем исчезал, оставляя после себя пустую тишину. Он смотрел на него, ожидая, что он вернется.

Он неуверенно обернулся. Тишина была глубокой. Перед ним, опустив глаза, стоял его джедай. Темный, тяжелый плащ из плотного черного меха окутывал его, поглощая весь свет, как у волка в ночи. Потяните за поводок слишком сильно, и он укусит.

Джедай встал, его черный плащ соскользнул с плеч. Он протянул руку, и взгляд Палпатина упал на световой меч. Он был испачкан красным гневом, страстью, предательством — световой меч Вейдера.

Возьми это, сказал ему джедай. Хотя губы Палпатина не шевелились, он понял.Палпатин снова бросил взгляд на световой меч, сверкающие алые струйки стекали по его бездействующей рукояти. Темные капли, похожие на рубиновые ручейки, стекали с пальцев Джедая, пачкая край его плаща на полу у его ног. Он встретился взглядом с ледяными голубыми глазами мальчика, но Волк молчал.

Что—то изменилось в глазах самого Палпатина - на краткий миг их ледяная голубизна окрасилась слабым малиновым оттенком. Его захлестнула волна эмоций, которых он никогда раньше не испытывал. Его сердце пропустило удар, наполненное смесью тревоги и страха. Волк медленно моргнул, и мгновенная перемена исчезла, оставив холодные глаза, снова устремленные на саблю в руке Палпатина.

"Возьми это, или оно уничтожит тебя", - подумал он. Его взгляд был прикован к оружию, с которого капала кровь. "Вейдер?" Волк ничего не сказал, просто протянул саблю. Под ним растекалась багровая лужица, неравномерно растекаясь, подпитываемая струйками крови, которые все еще стекали по рукояти. Жидкая жизнь, густая и насыщенная, и жидкая смерть, проливающая рубиновые слезы смертности... Световой меч не был активирован, но Палпатин все еще слышал низкое жужжание его несуществующих лезвий и шипение их перегретого свечения. Смертность...

Глаза Палпатина распахнулись во вспышке отрицания и ярости, его губы искривились в гримасе бессильной ярости. Ему все равно придется убить мальчика? Был ли это единственный способ разрушить видение? Или Вейдер всегда был источником проблемы? Конечно, нет — его трансформация была медленной, постепенный переход от юности к зрелости, годы самоотдачи и инвестиций, предсказуемые и уверенные; ясный путь.

Что заставило мальчика так сильно измениться по прошествии пяти долгих лет? К какому источнику он прикоснулся, чего не было у его отца, что—то, что уменьшилось и удвоилось, но как? Его отцом был Палпатин; в некотором фундаментальном смысле он был рядом с ним с первой встречи. Что изменилось за одно поколение?

Внезапно Палпатин вспомнил о кольце — кольце своей матери.... его мать была неконтролируемым элементом. Казалось, она все еще тянулась к нему из могилы, но, казалось, преследовала его. И тут ему в голову пришла другая мысль: воспоминание о столкновении с джедаями после обнаружения кольца.Скайуокер последовал этому примеру после того, как приобрел его. Чтобы развеять любые подозрения, которые могли возникнуть у Палпатина, он почувствовал необходимость объяснить происхождение кольца и причины, по которым его отец решил подарить его ему. Не обманывал ли Скайуокер в своих взаимодействиях с Палпатином? Он встретил его взгляд и произнес неправду, тщательно продумывая каждый ответ, чтобы снять с себя вину и сохранить дистанцию... чтобы защитить своего отца, а не себя.

Палпатин признал, что, если бы Скайуокер захотел это сделать, он не стал бы вступать с ним в конфронтацию или давать объяснения. Было ясно, что его мотивы были основаны на защите отца, а не на личной выгоде. Палпатин поразмыслил над видением, вспомнив содержащееся в нем предупреждение о возможности изменить обстоятельства, не принося в жертву Волка. Возможно, его подход был ошибочным.

Да, теперь он понял, что нужно сделать. Интуиция его не подвела: был только один способ действий — ставить интересы другого человека выше своих собственных. Палпатин неоднократно предупреждал мальчика, что если ему не удастся преодолеть свои уязвимые места, его учитель вмешается и исправит ситуацию. Время размышлений прошло; нужно было действовать.

Люк получил сообщение ближе к вечеру. Офицер-связист в казармах Мосина передал ему свой собственный коммуникатор. Люк отступил на несколько шагов, поскольку офицеры, окружавшие его, предоставили ему возможность побыть одному.

- Да? - переспросил Люк, нахмурив брови, услышав голос на другом конце провода.

Раздался голос Риса, извиняющегося за вторжение. "Добрый день, сэр", - начал он. "Приношу свои извинения за беспокойство".

Люк знал, что Рис передал закодированное сообщение с просьбой указать безопасное место для продолжения их разговора. Он отступил еще на два шага, помня о возможности подслушивания в комнате, но не будучи уверенным в конфиденциальности передачи.

"Все в порядке", - ответил Люк. Рис сделал паузу, пытаясь передать достаточно информации, не вызывая подозрений.Он продолжил: “Я получил разрешение на отправленное вами оружие и персонал. В настоящее время они обрабатываются. К счастью, лорд Вейдер находится во дворце, так что я могу лично представить ему эти изменения, если вы так предпочитаете. Это означает, что изменения могут быть внесены уже завтра. Я подумал, что будет благоразумным проинформировать вас о том, что график будет изменен.

Люк сделал паузу. Возвращение его отца во дворец было неожиданным. Какова была его цель? Рис также предложил навестить Вейдера и обсудить изменения в планах. Однако отец Люка поддерживал с ним защищенный канал связи, и Гент, протеже и резчик Каррде, уже находился в казармах Мосиина, готовый установить новый код на устройство Люка. Гент мог бы легко организовать вмешательство в систему наблюдения, предоставив Люку личное

пространство для разговора с отцом.“Я буду свободен в течение часа”, - сказал Люк, ища утешения в Полиции. Его коммуникатор попал в руки Ри, которая проигнорировала его ответ. Люк быстро повернулся и побежал, перепрыгивая через четыре ступеньки за раз, вверх по лестнице базы. Он поднялся на три этажа к посадочной площадке, заставив офицеров удивленно уставиться на него, когда он проходил мимо. Добравшись до кораблей, он совершил отчаянный рывок, и все 701-е подразделение было готово к старту. Он сделал шесть прыжков в сторону ближайшего судна, приземлился в его открытой кабине без шлема или летного костюма и закрыл фонарь кабины. Он включил двигатели на полную мощность.

В динамиках кабины раздался сигнал из центра управления полетами, призывающий пилотов и наземную команду покинуть свои посты готовности. “Эхо Ноль-Три, это несанкционированный взлет. Уменьшите мощность и назовите себя, предоставив данные о допуске...” Люк крикнул в интерком: "Освободите судно!" Тяжелый зажимной механизм удерживал истребитель I-TIE на месте, его корпус неровно раскачивался, когда двигатели протестующе взвыли. - Эхо Ноль-Три, это прямой приказ, - повторил Люк. - Вы должны...

Люк отключил канал связи и обратился к силе, и сила зажимного механизма высвободилась, с визгом разорвавшись, словно живое существо, отделившееся от шасси. Вокруг него разлетелся сноп искр, и члены наземной команды попятились, закрывая лица руками.

В следующее мгновение двигатели взревели, и истребитель рванулся вперед, яростно раскачиваясь из стороны в сторону, прежде чем взмыть в небо, оставив всех позади в облаке пыли.

Вейдер размеренными шагами шел по дворцовым коридорам, вызванный своим Повелителем в зал заседаний Совета. Атмосфера дурного предчувствия, царящая во Дворце, становилась все сильнее и напряженнее. Он почувствовал это сразу по прибытии и поэтому не был удивлен звонком, зная, что Палпатин хочет обсудить недавние беспорядки.

Знал ли Палпатин о его местонахождении во дворце? Вейдер был уверен, что знал. Возможно, Палпатин понимал причину этого глубже, поскольку сам Вейдер видел лишь смутное ощущение сближения, определяющий момент во времени. Теперь он понял, почему Люк посоветовал ему держаться подальше, потому что почувствовал, как сила потрескивает в темных залах, словно напряженная атмосфера перед бурей.

Тем не менее, он вернулся по приказу своего Учителя, не выказав неповиновения, несмотря на предупреждение Люка. Он не полностью доверял мальчику, хотя и понимал правду. Мальчик скрывал свои истинные эмоции, особенно в присутствии своего Учителя, но Вейдер обладал более глубоким пониманием, чем когда-либо мог себе представить Палпатин.Вейдер полностью осознавал масштабы потенциала Люка Скайуокера, хотя и не понимал до конца причин, по которым он сам наложил на себя ограничения. Какие силы мешали ему использовать свои способности против махинаций Палпатина?

Поведение Люка колебалось между апатией и безразличием, затем резко переходило к неповиновению и агрессии, в зависимости от его текущего эмоционального состояния. Какая-то невидимая сила сдерживала его, и если бы это зависело от Вейдера, он без колебаний обрушил бы свои силы на Палпатина, невзирая на последствия. Однако теперь это была не только его способность командовать... теперь это знание было передано Падме, к добру это или к худу. Служа ей, он стремился к знаниям, жертвуя всем ради этого.Нет, находясь в расцвете сил, он чувствовал потребность в абсолютной честности, даже с самим собой. Слишком долго он прятался за оправданиями. Потому что, по сути, это была ложь.

Энакин усвоил самый трудный урок — и это было сделано за счет Падме. Она заплатила самую высокую цену за его амбиции и нетерпение. Он хотел власти, чтобы спасти ее, да, но также и для себя. Он желал власти, чтобы возвыситься над своими сверстниками, быстрой и легкой власти, потому что верил, что заслуживает ее. Таким образом, он принял предложение Палпатина, полностью отдавая себе отчет в своих действиях.

Тот судьбоносный момент на Корусканте, то поспешное решение спасти Палпатина ценой жизни мастера Винду — да, это произошло сгоряча, с учетом многих факторов. Но он мог бы отречься от своих слов в последующие дни. Он мог бы посмотреть правде в глаза, помочь своим товарищам-джедаям и столкнуться с последствиями своей минутной оплошности.В конце концов, не он отнял жизнь у мастера Винду. Или он мог бы признаться в своем поступке Падме — мог бы покинуть орден джедаев и искать убежища среди безымянных масс на какой-нибудь безымянной планете во внешнем кольце, ведя спокойное, ничем не примечательное существование со своей семьей. Он мог бы воздержаться от того, чтобы вести клонов в храм... мог бы предупредить тех, кого он тренировал и рядом с кем сражался, невзирая на секретность. Мог бы прислушаться к совету Оби-Вана относительно Мустафара?Но он жаждал власти... и он достиг ее; необычайной, подавляющей, неизмеримой власти. В своем безумии он обманул себя, поверив, что это было по—настоящему, что это даст ему силу духа, которой он жаждал, связь и способность, необходимые ему, чтобы управлять судьбой - своей и Падме. И все же, с каждым приращением, которое оно давало в те мрачные дни, оно требовало чего-то взамен... и он был настолько очарован этим, что не смог разглядеть правду об этой пустой силе. Как она искажала и развращала все, к чему прикасалась. Если бы у него хватило мужества — честности — заглянуть глубже, возможно, она все еще была бы здесь…

Ибо он не понимал, что власть и могущество - это две разные сущности, не осознавая важности того, чтобы сделать шаг назад и обдумать последствия своих действий. В тот момент Вейдер предал себя, а не Оби-Вана, не Падме, не Совет джедаев. Его поступки обрекли его на смерть, и он был обречен из-за своего собственного выбора.Теперь его сын подарил Вейдеру проблеск надежды на искупление, хотя и в незначительной форме. Вейдер морщит лоб под своей маской, размышляя, не сбросить ли ему ее, как он сделал с Падме. Он осознает, что использует Люка для достижения своих целей, но стал ли он мудрее после своих прошлых проступков? Готов ли он снова пожертвовать всем ради стремления к власти?Власть больше не находится под контролем Вейдера, и он прекрасно осознает это. И все же, достаточно ли этого знания, чтобы помешать ему добиваться успеха любой ценой? Продолжит ли он стремиться к власти, даже если для этого придется пожертвовать счастьем собственного сына? Только время покажет ответ.

Вейдер безжалостно следовал своим желаниям и амбициям, жертвуя теми, кто был ему дороже всего. Всякий раз, когда он сталкивался с сопротивлением или неприятием, он давал волю своему взрывному и неконтролируемому гневу — тому самому гневу, который так давно заставил его выступить против тускенских рейдеров, той же ослепляющей ярости, которая заставила его предать Падме, и теперь той же ярости, которая заставляла его выступать против своего сына по малейшему поводу. Он был не в состоянии отказаться от спора за спором, несмотря на то, что утверждал, что понимает последствия.

И теперь он видит это в Люке — в его стойком сопротивлении вспышкам гнева и непоколебимом противостоянии Палпатину, подобном тому, как он сам когда-то противостоял своему отцу. Однако характер Люка сдержан так, как никогда не удавалось Энакину.Как Вейдер однажды признался своему сыну, Люк был сплавом Энакина Скайуокера и Падме Наберри. Что бы сказала Падме, если бы она присутствовала здесь, наблюдая за судьбой, постигшей ее сына, за событиями, которым Вейдер позволил случиться, за курсом, который он привел в движение? Волна раскаяния захлестнула Вейдера за его действия по отношению к

сыну, за тот путь, на который он сознательно направил мальчика. Тем не менее, будущее его сына не должно ограничиваться его собственным унылым существованием. Люк по-прежнему воплощал в себе силу, которую Вейдер давным-давно утратил, и у него был потенциал изменить свое предназначение. Если бы только Люк воспользовался этой возможностью, если бы только он бросил вызов Палпатину. Кто бы не возжелал получить в свое распоряжение такое могущество, абсолютную власть над Силой и всей галактикой? Вейдер был так близок к достижению этого. Он был так близок к этой силе, но судьба вмешалась, повернув клинок и обрекая его служить тому, кто в конечном счете завладел ею. И все же его сын мог бы претендовать на эту силу как на свою собственную, если бы только бросил вызов Палпатину.И все же он оставался в тени императора, недовольный и разочарованный, озлобленный, как Вейдер, развращенный махинациями Палпатина. Если бы он только знал причину своей самоограниченности, он бы преодолел ее. Он предоставил бы Люку власть, которой тот никогда не обладал. Он многим обязан мальчику. Направив его на этот путь, он обрек его на свою судьбу. Если бы он только обнаружил препятствие, которое его сдерживает, он бы уничтожил его. Какой бы ни была цена, это его долг перед самим собой и Падме.

Палпатин стоял в огромном, пустынном вестибюле своего зала заседаний совета, размышляя, правильный ли это курс действий. Он вспомнил видение, которое преследовало его более двух десятилетий. Волк в тени, его бледные, дикие глаза, поблескивающие в холодном свете луны, были повторяющимся образом. Но восемь лет назад что-то изменилось. Звезда Смерти была уничтожена, и впервые тень в темноте приблизилась.

Каждый год кусочки мозаики вставали на свои места у него под ногами, и когда он поднимал глаза, то видел волка, стоящего перед ним на коленях, молчаливого и неподвижного. Но теперь это был не просто волк. Это был Скайуокер, молодой человек, о существовании которого Палпатин не знал. Его сын.С каждым мгновением изображение неуловимо менялось, с небольшими изменениями в деталях, некоторые из них были плавными, другие - фиксированными. На протяжении всего этого процесса волк протягивал руку, держа в ней нечто неизменное — световой меч Вейдера.

На протяжении многих лет мальчик говорил своему наставнику только два слова: "Возьми это". Однако со временем его слова расширялись и становились все более сложными. "Возьми это, или это поглотит тебя", - предостерег он.

Неудивительно, что видение претерпело изменения, отражающие развитие событий. Откровение Мары о контакте Вейдера со Скайуокером стало неожиданностью и не приветствовалось. Палпатин всегда знал о стремлении Вейдера прийти к власти, но его противостояние с Кеноби на Мустафаре привело к тому, что у него не хватило сил исполнить свои желания. Абсолютный контроль Палпатина над Вейдером в детстве гарантировал, что у Лорда ситхов никогда не хватит решимости бросить ему вызов. В отличие от своего сына, Скайуокер обладал как способностями, так и смелостью бросить вызов Палпатину, но ему не хватало желания.Он ненавидел Империю и все, что она собой представляла, и Палпатин прекрасно это осознавал. Он остался, потому что император позаботился о том, чтобы его ненависть к Восстанию была столь же сильной, и потому что Палпатин потратил немало времени и усилий на укрощение этого «волка», внушив ему веру в то, что уход обрушит ярость его хозяина на всех вокруг него... гарантируя, что ему больше некуда будет деваться. оборотень.

Однако, когда эти две силы — одна, обладающая желанием, но не обладающая возможностями, и другая, обладающая возможностями, но лишенная желания, — объединились, они стали представлять огромную угрозу. Такое развитие событий было невыносимо для Палпатина,

который не мог допустить сохранения такого сочетания.Палпатин прекрасно понимал, что его работа с Энакином еще не завершена, несмотря на то, что он посвятил много лет воспитанию идеального ученика-ситха, точно так же, как он делал это с отцом Энакина до того, как Кеноби увел своего нового протеже. Действительно, Палпатин хотел, чтобы Энакин исполнил ту роль, которую он для него задумал, — роль, которая требовала ограничить его доступ к Силе и не допустить полного перехода на темную сторону.

Любопытно, что Палпатин не смог предвидеть вмешательства Кеноби, учитывая обширное планирование и манипуляции, которые он вкладывал в Энакина на протяжении многих лет. Тем не менее, способность предвидеть будущее иногда может быть омрачена даже одним присутствием джедаев, которые по самой своей природе являются проводниками перемен и могут нарушить ход событий.Тем не менее, оглядываясь назад, можно сказать, что то, что Энакин перешел на темную сторону, было и к лучшему. Хотя Палпатин, возможно, и не осознавал этого в то время, потеря Энакина, возможно, была спровоцирована самой Силой, позволив Палпатину сохранить свою империю и обрести сына Энакина, который в дальнейшем воплотит все, чем мог бы стать Энакин, и даже больше. Осознавая сложность управления Энакином Скайуокером и приведения его в порядок. находясь под своим контролем, Палпатин использовал все имеющиеся в его распоряжении инструменты для достижения своих целей. Как Дарт Сидиус, он тщательно планировал свои действия в течение длительного периода времени, стратегически манипулируя Энакином, чтобы тот служил его замыслам.

Действия Вейдера — само его присутствие — постоянно использовались при формировании Скайуокера. Терпение, естественно, было решающим фактором в процессе созидания, оценки и сопричастности. Тем временем Скайуокер достиг уровня стабильности, достаточного для того, чтобы занять свое законное положение. Император понимал мальчика и был уверен в его способности точно предугадывать его реакции, пусть и интенсивные, но поддающиеся контролю. Все дело было в том, чтобы знать, когда делать решающие ходы и какими они должны быть, как и у всех его учеников.

"Возьми его", - проинструктировал император относительно светового меча Вейдера. "Возьми его, или он уничтожит тебя."Когда Амедда распахнул двери в дальнем конце зала, чтобы объявить о прибытии Вейдера, Палпатин глубоко погрузился в свою душу в поисках каких-либо остатков раскаяния, но не нашел и следа. В его сердце не было трепета при мысли о предстоящей дуэли, и он даже не испытывал удовлетворения от того, что может предпринять столь решительные действия против того, кто его предал. Вместо этого его разум был поглощен задачей выяснить, как вести себя с этим новым учеником ситхов, когда он вернется.

Вейдер уверенно двинулся вперед, и тяжелая дверь закрылась за ним. В дальнем конце полутемного зала император стоял спиной к залу, ожидая прибытия Вейдера. Вейдер не оглянулся, когда тот приблизился; вместо этого он отвесил глубокий поклон.

Вейдер решительно отбросил все личные мысли и эмоции, сосредоточившись исключительно на настоящем моменте. После короткой паузы он опустился на колени и в этот момент что—то почувствовал - шепот, резонирующий в напряженной атмосфере, оставляющий тревожное впечатление. Молчание императора казалось особенно зловещим.

"Вы говорили сегодня со своим сыном, лорд Вейдер?" Рассеянно спросил Палпатин, не отрывая взгляда от высоких узких окон. На лице Вейдера, скрытом под маской, которую он так долго носил, появилось едва заметное неодобрение. Это был необычный вопрос... по нескольким причинам. Палпатин никогда не называл Люка сыном Вейдера, по крайней мере, в лицо, и никогда раньше не задавал подобных вопросов. И он никогда не задавал такого вопроса,

предполагая, что он был в курсе каждого движения Вейдера. - Нет, господин, - просто ответил Вейдер, поднимаясь на ноги. В его словах была доля правды. Император кивнул, все еще стоя спиной к Вейдеру.

"Трудно оценить его намерения, предвидеть его действия и осуществлять контроль над ним", - утверждал Вейдер, в его голосе звучала нотка неуверенности относительно того, чего может хотеть от него Палпатин.

Палпатин медленно повернулся, пряча руки в складках мантии, - Но я подозреваю, что проблема во мне. Видите ли, его нельзя сдерживать слишком жестко. Если слишком сильно потянуть за поводок, он может сопротивляться. Конечно, некоторые вещи можно понять только задним числом. Тем не менее, теперь я верю..."

Я утверждаю, что для того, чтобы контролировать кого-то, нужно также контролировать его окружение и связи. С моей стороны было ошибкой не осознавать этого раньше, но теперь я полон решимости исправить это.

Вейдер оставался неподвижным, чувствуя, как его охватывает чувство угрозы, заставляя мышцы напрячься. Император молча размышлял, его бледный взгляд был устремлен вдаль.

“Ты помнишь пророчество, мой друг? О Сыне Солнц?”Палпатин склонил голову, размышляя над этим вопросом. “Пророчества и видения часто неоднозначны и допускают множество интерпретаций. Ты достиг состояния равновесия в Силе? Вы свели счеты, установив симметрию. Размышляя над ситуацией, можно сказать, что нас осталось только четверо: два джедая и два ситха.”

“Сила действительно была в равновесии, но это состояние не сохранялось десятилетиями”, - нейтрально ответил Вейдер, не уверенный в намерениях своего учителя. ”Да..." Палпатин уступил, согласившись с оценкой Вейдера. Вейдер всегда мыслил буквально и был склонен концентрироваться исключительно на поверхностном уровне. Однако Палпатин верил, что пророчество было более глубоким. В конце концов, это было давнее пророчество, и оно не могло быть таким простым.Палпатин помолчал, его взгляд прятался под густыми бровями, покрытыми шрамами от старости, обдумывая пророческие слова. “Тени, которые разделяют свет на границе рассвета и тьму”, - процитировал он. “Свет и тьма — одно не может существовать без другого. Свет отбрасывает тени, а темнота необходима для существования света. И все же мы часто разделяем их, считая несовместимыми, непримиримыми”.

Мысли Палпатина продолжали блуждать, погруженные в размышления. “Возможно, им суждено было соединиться, стать неразделимыми, вплетенными в сложный танец существования”. Осознание предложения Палпатина пришло к Вейдеру вместе со вспышкой понимания — Люка и многих слоев правды, которые были скрыты. Его собственное смутное, неописуемое ощущение в Силе в Медицинском центре, когда его сын, измученный болью и тяжело раненный, неосознанно обратился к Силе за исцелением и добился его. И все же тьма не лечит, тьма не может исцелить.Палпатин вспомнил мимолетный проблеск, который он испытал, пробившись сквозь защиту мальчика, особое состояние души. Это была готовность слиться с чем-то, не теряя себя, отдаться этому, не поддаваясь его силе. Тьма никогда не сдавалась, так что мальчик прикоснулся не к ней.

Палпатин попытался классифицировать этот краткий контакт, поскольку он был блеклым, рассеянным и неуловимым. Это не было ни светом, ни тьмой, но и тем и другим одновременно, что не поддавалось классификации. Палпатин давно утверждал, что Вейдер был создан силой, вызван к жизни ее мощью и волей. Как связь Вейдера с силой могла быть чем-то большим, чем

эта тесная связь? Как это могло быть чем-то иным?

Но разве он не говорил мальчику, разве он не говорил Люку так часто? Он говорил о том, что природа Люка - это слияние его самого и Падме, причем Падме - сама свет. Возможно ли, чтобы их сын содержал в себе оба аспекта силы?Было ли вообще возможно для одного человека гармонизировать свет и тьму внутри себя? Создал ли Вейдер что—то, что оправдало пророчество - равновесие света и тени...?

Палпатин медленно повернулся, чтобы еще раз окинуть взглядом город, и его окутала напряженная тишина. Его истинные намерения были скрыты под покровом темноты и теней, но его слова выдавали его истинные мысли.

"Ты верно служил мне, мой верный слуга", - сказал он, кивая головой и складывая тонкие губы в подобие улыбки. "И все же я должен был понять, что твоя работа была завершена в тот день, когда появился твой сын. В твоих услугах больше не было необходимости. Я должен был предвидеть это... Равновесие между светом и тьмой, которое ты обеспечил, было воплощением пророчества, высшей силой, ибо тот, кто контролирует его, действительно доминирует над всеми аспектами Силы."

Император кивнул, обращаясь одновременно к себе и своему помощнику.Вейдер сформулировал свои выводы сдержанным, бесстрастным тоном, заявив: "Тот, кто имеет власть над ребенком, имеет власть над всем — над стихийной силой во всех ее проявлениях — и я не могу допустить этого, пока ты еще жив. Я знаю, что он всегда будет обращаться к вам за советом, и мой долг - исправить эту ситуацию".

Вейдер заметил едва заметный блеск, слабое отражение солнечного света на металле, когда Палпатин протянул руки. Вейдер знал о том, что Палпатин держал в своих руках, но разве он всегда не знал, что этот момент настанет? Только не совсем так, как он себе это представлял. Он представлял себе, что это будет горькая, бурлящая ярость, безудержное неистовство гнева, которое приведет его к этому моменту, но все было не так... эта беспрецедентная честь, эта высшая похвала, неопровержимое доказательство того, что сын уважал его.Важны были не способности Вейдера, а сама его сущность как человека. Осознав это в полной мере, услышав это от кого-то, кто не стал бы легкомысленно относиться к такому признанию, Вейдер, наконец, осознал истинное значение этой связи.

Это было не просто знание о личности Люка, его потенциальной силе или исполнении пророчества, которое Вейдер носил как кандалы на протяжении всей своей жизни, но скорее осознание того, что его сын любил его — связь была настолько глубокой, что даже махинации Палпатина не могли разорвать ее. Потому что это было неотъемлемой частью Люка... как когда-то было неотъемлемой частью самого Вейдера.Знание… это было как солнечный свет на коже, согревающий до глубины души, и такого чувства человек не испытывал уже очень давно. Теперь, наконец, стало понятно, что мешало Люку сделать этот последний шаг – почему молодой человек никогда не переступил бы эту черту. Люк защищал не себя, а Вейдера. Как заявил сам Люк, когда он был ранен, во время их первого разговора о свержении Палпатина, он сказал, что уже тогда знал, что если получит власть, то будет не в ладах со своим отцом.

И его действия с Палпатином были постоянным колебанием между легкой капитуляцией и упрямым неповиновением, независимо от последствий. Его натура всегда была нестабильной, всегда непредсказуемой.

Палпатин еще не решился отстранить Вейдера. Знал ли Вейдер — действительно ли Палпатин

осознавал степень своего влияния на него? Потому что в этом и заключался ответ. Палпатин не осознавал глубины их связи как отца и сына. Его понимание было ограничено обманом и манипуляцией. Такие понятия, как самоотверженность и сочувствие, были за пределами его понимания. В тот момент Вейдер почувствовал, что в нем больше человечности, чем Палпатин когда-либо мог себе представить. Вот почему Палпатин никогда не понимал.

Вейдер испытывал чувство вины за то, что принял это решение от Люка, понимая, что это вынудит его действовать. И все же, пока он жив, его сын будет стремиться защитить его. Люк никогда не достигнет власти, пока Вейдер жив. "Любой ценой, - вспоминал он, - любой ценой пожертвовать, чтобы освободить Люка от влияния его отца"... эти слова не были пустой риторикой.Это был шанс на искупление, шанс загладить свои слепые амбиции, которые выдвинули его сына на передний план. Это был выбор либо Вейдера - поместить его туда, либо, возможно, Оби-Вана. Если бы он обучал Люка, молодой человек мог бы сыграть важную роль в изменении хода событий. Нет, было легко обвинить кого-то другого, как он часто делал в прошлом. Однако он выбрал этот путь для себя и для своего сына, и теперь он подходил к концу.Под маской ненависти, в тюрьме, которую построил для него его хозяин, Дарт Вейдер улыбнулся — искренней улыбкой — и старые раны, которые так долго сдерживали его, наконец-то зажили. Но сегодня они не могли удержать его, не могли остановить. Сегодня они ничего не значили.

Сегодня он улыбнулся, зная, что император не может его видеть. Он почувствовал кратковременную связь, прикосновение к своим обостренным чувствам, безмолвный вопрос сына. Это был мимолетный поиск утешения на большом расстоянии. В последний раз он обратился к сложной игре света и тени, воплощенной в его сыне, послав ему послание уверенности, комфорта и безмятежного спокойствия. Он дал своему сыну понять, что то, что он сделал, было правильным, что это был выбор, но правильный. Затем он позволил миру и спокойствию наполнить разум его сына, избавив его от страха. Сожалениям не было места; он дал им слишком много власти и не предоставил бы им другой возможности.Это был момент ликования, победы и превосходства. Падме гордилась бы им. Он пристально посмотрел на своего противника, и слова пришли к нему без усилий. Вейдер знал, что собеседник его не поймет, но это не имело значения. Он понимал, что говорит…

Ибо Вейдер теперь, наконец, понял то, что Оби-Ван сказал ему так давно. Теперь он предложил то же самое своему слепому противнику — не для защиты или устрашения, а с тем же достоинством и уверенностью. Безмятежное спокойствие в Силе давало ему абсолютную уверенность в том, чего достигнет его жертва.

"Если ты убьешь меня,… ты только наделишь меня силой, превосходящей твои самые смелые фантазии". Активировав световой меч, Палпатин повернулся к нему, его глаза светились желтым, и он зашипел, как змея. Он был…

http://tl.rulate.ru/book/24624/1255373